

Ирина Каренина

По линии любви — по линии обстрела

● ● ●

Не иметь ни гроша —
Да очнётся душа.
Тут и там звездопад:
Поглядите, летят!
Что за звёзды летят!
Ах, как звёзды летят!

Сколько блёсток на них,
Полировки на них!
А твой бедненький стих
Ныне в сонме дурных,
Жалких, кухонных, прошлых,
Зачем-то живых,
Оболваненных, замордованных,
Вот таких как есть, обворованных, —
Уж куда ему до полированных!

Ни при этих, ни тех
Нам не светит утех:
Что отчизны дымок,
Что в гортани комок —
С этим старым добром
Попивать себе бром,
Тихо кашляя серебром.

Лучше слушай кота:
От усов до хвоста
Кот — сама милота,
Муркота, мягкота.
Ах, пушистый живот,
Утешительный кот...
Ну а кто голосит там,
Горланит и пьёт,
Кто там деньги считает,
Болят за народ,
Косоглазит, пролазит,
На мельницу льёт —
Тех судьба приберёт,
Всех судьба приберёт.

● ● ●

Не все нам проживать в аду
И горькую тянуть беду,
Соломку обнимать губами
Прозрачную. В бокале хлад,
И лёд, и пьяный виноград,
И пламень.

А жизнь не вечна и светла,
Как из прозрачного стекла,
Как из гранёной сладкой льдинки,
И зубы ноют от неё,
И сердце теплится твоё,
И мерно крутится пластинка.

Романс пронзительный допет,
Бравурный бред сошёл на нет,
Усталые смолкают ноты...
Докончишь партию свою
И, может, выдохнешь в раю.
Мой друг, не плачь, ну что ты, что ты...

● ● ●

У акулы боли́ — у меня заживи,
У меня прекрати, говорю.
Пусть отвалится корка засохшей любви
К мартобрю, мартобрю, мартобрю.

Пусть отпустит, отмается это и то,
Как же горько я утомлена!
Пусть из шкафа я новое выну пальто,
Оттого что настала весна,

Оттого что я больше не помню обид,
И живу, своих бед не кляня.
И нигде ничего-то теперь не болят,
И ничто не тревожит меня.

Рапунцель 2.0

Главное — вовремя пойти на сделку
С причиной и следствием,
Предложить размен,
Добровольно надеть ошейник,
Взять на себя сколько вытянешь, сколько
получится.
Обещала — не стричь никогда волос,
Не обрезать памяти,
Не облегчать своей участи:
Оберег тому, кто когда-то любил меня.
Жив будет, цел будет
Тот, кого я когда-то любила,
Тот, кто давно не любит меня.

Мимо, мимо, все беды,
Мимо, мимо, все пули,
Растите, растите, волосы,
Пригибайте голову тяжестью,
Тянитесь за мной плащом.
Что ещё?
Заплетайтесь змеиными косами,
Оплетайте нить судьбы накрепко:
Чем вы длиннее, тем дольше линия жизни.

Что бы ему ни грозило — на мою голову.
Что бы ни наболело — на мою голову.
Что бы ни блазило — на мою голову.
Пока змеями вьются волосы,
Тот, который давно не помнит меня,
Дышит,
Живёт,
Дышит,
Живёт,
Дышит,
Живёт.

● ● ●
Дела идут, конторе не до писем,
Я пью вино болезни вопреки.
Мои темны безрадостные мысли,
Как тёмное течение реки.

Кругом беда, ей ни конца ни края,
Она то в лоб приходит, то в обход.
Не виноват, щенок мой погибает,
А кто виновен, тот себе живёт.

Не виноваты, погибают дети,
Напитан кровью во степи ковыль.
Как больно, больно, больно жить на свете —
И разлететься в атомную пыль.

...Допей вино. Срывается музыка.
То холод нас мертвит, то смертный зной.
И звёзды разбиваются от крика,
Наполненного жуткой тишиной.

● ● ●
...Так дай им Бог — без нашего надрыва
Лететь по жизни, лёгкий крест неся.
Всё лирика, но им — глядеть счастливо,
Об руку самокруток не гася.

Другим и юным — всё, чего хотели,
А нам — дышать пожарищем родным.
Под звоны элегической капели
Восходит к небу наш табачный дым.

Ау, сорокалетние повесы,
Измученные, жёсткие принцессы,
До гроба вам короны не снести,
Как головы когда-то не сносили,
Но выжили, но — ладно — жили-были,
И лучше вас по свету не найти.

Какая жизнь — она была сурова,
То хлеба не хватало нам, то крова,
Но мы рвались из сил в последний бой,
И всякого нам выпало с запасом:
Царевен лупцевали по мордасам
И гениев гоняли на убой.

Не жалуемся — нас не приучили,
Как не учили требовать наград.
Мы жили... нет, и правда — жили-были,
Про нас ещё такое сочинят!

Нам всё дано: и каменное слово,
И воздух, беспечален и жесток,
Как горькой папиросы Гумилёва
Последний и отчаянный глоток.

● ● ●
Завтра встанем рано-рано,
А пока считай баранов,
И овечек, и мышей,
Всех, кто гонит нас взашей,
Палачей считай и катов,
Змей, людей и прочих гадов,
И древесных, и морских,
Деревенских, городских,
Богомольных и безбожных,
Всех великих и ничтожных,
Приживалов, и царей,
И людских поводырей.
Баю-бай, усни, душонка,
Жалкая, как у мышонка,
У летучего малышки, —
Чем ты хуже птички, мышки?
Палка, палка, огуречик —
Разнесчастный человечек...

● ● ●
Что тебе-то по мне горевать? —
Не делили с тобой мы кровать,
Ну а дружба не впрок нам.
Мне-то что горевать о тебе? —
А и Б не сидеть на трубе,
Не заглядывать в окна.

А гляди ж: тяжела голова,
Проще стали скупые слова —
Отзвучали, затихли...
Нам с тобой недостало любви,
Неудачливый мой визави.
Что ж ты просишься в стих мой?

Может, были б и мы спасены,
Кабы не эта ярость войны,
Не словесная бойня,
Не горячая, мутная взвесь,
Не пустая, горластая спесь,
Не грядущие войны.

Всё распродано, что ни возьми,
В этой подлой эпохе людьми
Затруднительно зваться.
Голос правды, срываясь, хрипит.
Человек обессилел и спит,
И его не дозваться.

● ● ●
Не в тот проклятый год, а в этот несчастливый
Я снова прохожу по линии любви,
И солнце мне поёт, и зацветают сливы,
И всё вокруг твердит: «Живи, живи, живи...»

И снова счастья нет, но розы я сажаю
Взамен погибших роз — и снова жду тепла.
Ах, нынче не меня до дому провожают,
Но жизнь ещё горит, она как ночь светла,

В ней есть ещё приют меж вишен и
магнолий,
В трепещущем саду, под райским ветерком.
Отброшены слова, и позабыты роли.
Лети, моя душа, скуластым мотыльком!

Пока дрожала ты, вымалчивая горе,
Ну кто тебе помог? Все были ни при чём
И путали слова, но не боли в уколе:
Ты знала наперёд, и кто, и что почём.

Беда моя, и ты помалу отболела,
Из тьмы не проступай, тревожа и кляня...
По линии любви — по линии обстрела —
Я снова прохожу, и целятся в меня.

● ● ●
...Как взвоете, как взлюбите меня —
Примерно так, как раньше невзлюбили,
Чёрт знает в чём придиричиво вина:
И что с того, что родилась в Тагиле,
Что каторжная кровь в висках гудит,
Как отраженье гула заводского,
Что сердце с переборами в груди
То замирает, то вприпрыжку снова? —
Я не умру, Вы слышите? Вполне
Ещё я проскриплю и год, и двадцать.
И что с того, что весь мой мир в огне
И с Вами мне не светит целоваться?
Гиперборея снежная моя,
Таёжный краж, приют горнозаводский
Не выдаст, и пускай годами я
В чужих краях болтаюсь по-сиротски,
А всё же плоть от плоти старых гор,
Камней их — самоцветов, малахитов.
Куда уж Вам — до этих вот опор,
В кору земную до предела вбитых,
В такую уходящих глубину,
Что и огнём не спалишь безвозвратно,
Что всё переживут — любовь, войну,
И это вот, ах, будь оно неладно...

● ● ●
Просила: мол, не поминайте лихом.
Но разве же иначе помянут?
...Прошла гроза, на небе тихо-тихо,
И ветер скручен в присмирённый жгут.

И кажется: не вырваться из круга.
А времена всё хлеще, всё темней.
Уйди в себя, забейся в пятый угол
Во Внутренней Монголии своей.

Предвкусие беды и катастрофы,
Предчувствие душевных мук и смут:
От Мегапепи до Йокнапатофы
Нигде, нигде, нигде тебя не ждут.

Затихло небо — мир не затихает.
Земная жизнь опять полна обид.
И только слово молча полыхает —
И как-то по-особому болит.